

В.М. ХВОСТОВ

**Опыт характеристики понятий *Aequitas* и
Aequum jus
в римской классической юриспруденции**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 340
ББК 67.0
В11

В11 **В.М. Хвостов**
Опыт характеристики понятий Aequitas и Aequum jus: в римской классической юриспруденции / В.М. Хвостов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 318 с.

ISBN 978-5-517-93275-4

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1895 года

ISBN 978-5-517-93275-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Л А В А П Е Р В А Я.

Предварительныя замѣчанія. Общее опредѣленіе понятій *aequitas* и *aequum jus*.

Каждый, кому приходилось имѣть дѣло съ законодательными сборниками Юстиніана, знаетъ, что тамъ очень часто, особенно въ Пандектахъ, встрѣчается мотивировка абстрактныхъ нормъ права и рѣшеній отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ ссылкой на понятіе *aequitas*. Это понятіе постоянно сопровождаетъ римскаго классическаго юриста при его работѣ; оно въ глазахъ классическихъ юристовъ имѣетъ такое большое значеніе при разработкѣ права, что они не затрудняются опредѣлить все право, какъ «*ars boni et aequi*»¹⁾; это опредѣленіе Юстиніанъ помѣщаетъ даже въ началѣ важнѣйшей части своей компиляціи. Свою собственную дѣятельность классическій юристъ прежде всего сводитъ къ отдѣленію *aequum* отъ *iniquum*: «*cujus (т. е. artis boni et aequi) merito quis nos sacerdotes appellet: justitiam namque colimus et boni et aequi notitiam profitemur, aequum ab iniquo separantes, licitum ab illicito discernentes, bonos non solum metu poenarum, verum etiam praemiorum quoque exhortatione efficere cupientes, veram nisi fallor philosophiam, non simulatam affectantes*»²⁾).

Принимая во вниманіе обширную разработку, которая выпала на долю римскому праву въ современной юридической литературѣ почти всѣхъ европейскихъ народовъ, можно было бы ожидать, что современные ученые давно уже выяснили достаточно всесторонне и осно-

¹⁾ L. 1 pr. D. 1, 1. Celsum ap. Ulpianum.

²⁾ L. 1 § 1 D. 1, 1 Ulpianus.

вательно, въ чемъ заключается существо *aequitatis*, этого столь дорогаго для римскихъ юристовъ понятія. Однако, насколько намъ извѣстно, дѣло обстоитъ иначе; мы не знаемъ ни одного современнаго изслѣдованія, удѣляющаго этому вопросу должное вниманіе и разрѣшающаго его вполне удовлетворительно. Мы надѣемся доказать это утвержденіе въ послѣдней главѣ нашей книги.

Между тѣмъ, разрѣшеніе указаннаго вопроса, по нашему мнѣнію, представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Уясненіе того, что понимали римскіе классическіе юристы подъ словами «*aequitas*» и «*jus aequum*», важно не только для правильнаго толкованія тѣхъ фрагментовъ въ нашихъ источникахъ, которые содержатъ въ себѣ ссылку на эти понятія. Путемъ такой работы, намъ кажется, мы можемъ увеличить сумму нашихъ познаній относительно общаго юридико-философскаго міровоззрѣнія классическихъ юристовъ; разработка источниковъ съ этой стороны должна способствовать выясненію воззрѣній римскихъ юристовъ на задачи и свойства права и должна дать иллюстраціи нѣкоторыхъ пріемовъ римскихъ юристовъ при разработкѣ права. Далѣе, изслѣдованіе содержанія понятія *aequitatis*, какъ мы надѣемся показать это въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ сущности сводится къ изслѣдованію по крайней мѣрѣ одной группы общихъ принциповъ, проникающихъ право, въ ихъ взаимной связи и воздѣйствіи другъ на друга; такого рода работа можетъ бросить новый свѣтъ на нѣкоторые спорные пункты догмы римскаго права. Наконецъ, выясненіе взглядовъ римскихъ юристовъ на существо *aequitatis* должно, думается намъ, само по себѣ имѣть не меньшее значеніе для современной догматической науки права, чѣмъ все прочее наслѣдіе, полученное этой наукой отъ древняго Рима.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы рѣшили избрать предметомъ нашего изслѣдованія выясненіе содержанія понятій «*aequitas*» и «*aequum jus*» въ римской классической юриспруденціи.

Единственнымъ путемъ для разрѣшенія этой задачи является, конечно, детальное изученіе того матеріала, который представляютъ намъ для этой цѣли наши источники. Особенность этого матеріала состоитъ въ слѣдующемъ. Римскіе юристы, какъ извѣстно, не отличались большими способностями къ формулировкѣ общихъ положеній и принциповъ права; чувствуя этотъ свой недостатокъ и зная, какъ опасно въ правѣ всякое положеніе, не вполне точно форму-

лированное, они имѣли достаточно такта, чтобы избѣгать, по мѣрѣ возможности, всякихъ общихъ опредѣленій ³⁾. Поэтому они очень рѣдко формулируютъ также и руководящія ими постулаты *aequitas*, а, если и дѣлаютъ это, то эта формулировка не всегда бываетъ удачна и не всегда вѣрно передаетъ содержаніе того постулата, который имѣлъ въ виду юристъ. Большею частью римскіе классическіе юристы ограничиваются тѣмъ, что въ оправданіе извѣстнаго конкретнаго рѣшенія или абстрактной нормы они замѣчаютъ, что такого рѣшенія или такой нормы требуетъ *aequitas*. Наша задача поэтому сводится къ изслѣдованію того, какой смыслъ могъ связывать римскій юристъ въ каждомъ подобномъ случаѣ со своей ссылкой на *aequitas*, и къ классификаціи полученныхъ этимъ путемъ отдѣльныхъ постулатовъ *aequitatis*. Послѣдующимъ изложеніемъ мы надѣемся показать, что классификація эта возможна и что, хотя римскіе юристы не оставили намъ опредѣленія понятія *aequitas* и не формулировали отдѣльныхъ постулатовъ справедливости, они тѣмъ не менѣе разумѣли подъ этимъ словомъ понятіе цѣльное и строго опредѣленное.

Такъ какъ предметомъ нашего изслѣдованія является выясненіе того, что понимали подъ словомъ «*aequitas*» римскіе классическіе юристы, то главнымъ матеріаломъ, подлежащимъ нашей обработкѣ, служатъ, естественно, дошедшіе до насъ въ Пандектахъ Юстиніана и инымъ путемъ отрывки изъ сочиненій классическихъ юристовъ. При этомъ мы старались привлечь къ обработкѣ по возможности всѣ тѣ фрагменты изъ названной категоріи нашихъ источниковъ, которые содержатъ въ себѣ ссылку на интересующее насъ понятіе, имѣя въ виду этимъ путемъ, насколько это возможно при общемъ состояніи источниковъ для изученія римскаго права, устранить сомнѣнія въ томъ, не содержитъ ли *aequitas* классическихъ юристовъ еще какихъ нибудь незамѣченныхъ нами элементовъ, которые могли бы повліять на опредѣленіе этого понятія. Наше изложеніе должно проиграть отъ этого въ своей сжатости, но оно должно сдѣлаться въ то же время убѣдительнѣе. Конечно, принимая во вниманіе обширность матеріала, который даютъ намъ источники для разрѣше-

³⁾ L. 202 D. 50, 17. Javolenus. Omnis definitio in jure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti posset. L. 32 D. 22, 1. L. 1 pr. D. 34, 7. L. 1 D. 50, 17.

нія поставленнаго вопроса, мы не можем ручаться за то, что нѣкоторые фрагменты не ускользнули отъ нашего вниманія при чтеніи Пандектъ и источниковъ до-Юстиніановскаго права; но такихъ фрагментовъ во всякомъ случаѣ очень немного сравнительно съ массою матеріала, подвергнутаго нами обработкѣ, и существеннаго вліянія на результатъ изслѣдованія эти фрагменты оказать не могутъ.

Мы старались также по возможности исчерпать матеріалъ, представляемый въ наше распоряженіе императорскими конституціями первыхъ двухъ съ половиною вѣковъ имперіи, такъ какъ эти конституціи въ сущности также были дѣломъ рукъ тѣхъ же классическихъ юристовъ и потому содержать въ себѣ данныя, не менѣе достойныя нашего вниманія, нежели фрагменты, взятые изъ Дигестъ. Иное нужно сказать о конституціяхъ позднѣйшаго періода существованія имперіи. Этими конституціями въ нашемъ изложеніи мы будемъ пользоваться сравнительно рѣдко. Это мы дѣлаемъ не на томъ основаніи, что онѣ относятся не къ тому періоду времени, который насъ specially интересуеетъ. Мы не думаемъ, чтобы понятіе *aequitas* и отдѣльные постулаты справедливости потерпѣли существенныя измѣненія въ эту эпоху и существенно отличались отъ *aequitas* классическихъ юристовъ. Напротивъ, этотъ позднѣйшій періодъ исторіи римскаго права, какъ извѣстно, довольствовался вообще, главнымъ образомъ, подведеніемъ итоговъ тѣмъ результатомъ, которые получились благодаря творческой дѣятельности предыдущихъ эпохъ, и мало внесъ новыхъ идей въ право, такъ что и *aequitas* не могла сдѣлать большихъ шаговъ въ своемъ развитіи въ теченіе этой эпохи. Причина нашего недовѣрчиваго отношенія къ позднѣйшимъ конституціямъ заключается, напротивъ, въ совершенно обратнаго рода соображеніяхъ. Изъ чтенія этихъ конституцій мы вынесли впечатлѣніе, что въ эту эпоху упадка юридическаго творчества понятіе *aequitas* также много теряетъ въ своей жизненности. Позднѣйшіе императоры не имѣли особенной нужды такъ заботливо мотивировать свои конституціи, какъ императоры первыхъ временъ имперіи, и, въ особенности, какъ классическіе юристы; все практическое значеніе работъ послѣднихъ вѣдь основывалось, по общему правилу, исключительно на ихъ внутреннемъ достоинствѣ. Отсюда объясняется то явленіе, что позднѣйшіе императоры обращаются съ понятіемъ *aequitas* далеко не такъ бережливо, какъ классическіе юристы; не-

рѣдко они пользуются имъ просто для украшенія своей напыщенной и витѣватой рѣчи, не связывая съ нимъ въ сущности никакого особеннаго смысла. Поэтому мы сочли возможнымъ не загромождать наше изложеніе этимъ матеріаломъ сомнительнаго достоинства. Мы будемъ прибѣгать къ этимъ конституціямъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда онѣ содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе удачную общую формулировку постулатовъ *aequitatis*; дѣло въ томъ, что эта эпоха обнаруживаетъ гораздо болѣе, если не способности, то склонности къ формулированію общихъ положеній и принциповъ права, чѣмъ эпоха классической юриспруденціи ⁴⁾.

Съ другой стороны мы сочли возможнымъ иногда прибѣгать въ нашемъ изслѣдованіи къ сочиненіямъ Цицерона, такъ какъ та стадія въ развитіи римскаго права, которая приходится главнымъ образомъ на время дѣятельности юристовъ первыхъ 2½ вѣковъ имперіи, въ сущности начинается уже въ эпоху Цицерона ⁵⁾. Въ твореніяхъ послѣдняго, согласно общему ихъ абстрактному философскому направленію, мы находимъ поэтому формулированными нѣкоторые постулаты *aequitatis*, которыми руководились въ своей практической дѣятельности римскіе юристы.

Имѣя своей задачей выясненіе воззрѣній классическихъ юристовъ на *aequitas*, при толкованіи фрагментовъ ихъ сочиненій мы должны, естественно, все время стараться становиться на ихъ точку зрѣнія. Чтобы уяснить себѣ, какое представленіе связывалъ классическій юристъ со своей ссылкой на *aequitas* въ каждомъ данномъ случаѣ, мы должны смотрѣть на всѣ нормы и институты, по поводу которыхъ дѣлается эта ссылка, подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ смотрѣлъ на нихъ въ свое время авторъ комментируемаго фрагмента. Принимая во вниманіе, что римскіе юристы были почти исключительно догматики и что исторіей права, какъ мы ее теперь

⁴⁾ Очень часто напр. въ конституціяхъ позднѣйшихъ императоровъ все значеніе ссылки на *aequitas* сводится къ тому, что она указываетъ на согласіе рѣшенія судьи или притязанія частнаго лица съ существующими нормами права, т. е. равносильна выраженію: законность притязанія или судебного рѣшенія. См. L. 19 pr. C. 4, 21. L. 2 C. 7, 38. L. 31 C. 7. 62. L. 20 C. 6, 2. L. 7 § 2 C. 11, 58. L. 16 § 4 C. 12 37. Такое словоупотребленіе мы встрѣчаемъ уже въ нѣкоторыхъ конституціяхъ начала III вѣка. L. 1 C. 4, 2. L. 4 § 1 C. 6, 6.—Ко всему изложенному ср. Voigt, *Jus naturale, bonum et aequum und jus gentium der Römer*, т. I § 99.

⁵⁾ См. Pernice, M. A. Labeo, т. I. стр. 1—6.

понимаемъ, они не занимались и заниматься не могли, мы должны, по общему правилу, и съ ихъ ссылками на *aequitas* связывать догматическое, а не историческое значеніе. Классическій юристъ, приводя напр. *aequitas* въ оправданіе какой нибудь уже давно появившейся въ преторскомъ эдиктѣ статьи, не переносился при этомъ, конечно, въ ту эпоху, когда эта статья впервые появилась въ эдиктѣ, но разсуждалъ о ней съ точки зрѣнія своего времени, какъ о дѣйствующемъ правѣ, и потому имѣлъ въ виду тотъ смыслъ и то значеніе, которое эта статья имѣла въ современномъ ему правѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу пользованія современной юридической литературой въ настоящемъ изслѣдованіи. При разработкѣ поставленной темы автору пришлось столкнуться съ рядомъ спорныхъ и не вполне еще выясненныхъ вопросовъ, касающихся почти всѣхъ отдѣловъ системы и исторіи римскаго права. Принимая во вниманіе второстепенное значеніе этихъ вопросовъ для достиженія главной цѣли изслѣдованія и обиліе посвященныхъ ихъ разработкѣ литературныхъ трудовъ, авторъ не считалъ себя обязаннымъ и не почиталъ себя въ силахъ исчерпать всю литературу по этимъ вопросамъ. Авторъ прибѣгалъ къ литературнымъ справкамъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ считалъ это необходимымъ, и привлекалъ современную литературу по каждому вопросу въ томъ объемѣ, въ которомъ этого требовала трудность вопроса и его относительная важность для разрѣшенія главной задачи настоящаго труда. Поэтому, дѣлаемая въ теченіе послѣдующаго изложенія ссылки на литературу нигдѣ не имѣютъ въ виду перечислить всѣ, даже важнѣйшіе, литературные труды по каждому вопросу; онѣ сдѣланы лишь для того, чтобы указать, какими именно литературными пособіями пользовался авторъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ приступить къ анализу источниковъ, касающихся понятія *aequitas* въ классической юриспруденціи, и къ изложенію результатовъ, къ которымъ привелъ насъ этотъ анализъ. Имѣя въ виду сложность и отвлеченность вопроса, являющагося предметомъ изслѣдованія, и обширность и разнообразіе матеріала, подлежащаго обработкѣ, мы не смѣемъ надѣяться, что въ нашемъ трудѣ мы окончательно и безошибочно разрѣшимъ поставленную проблему. Мы будемъ довольны, если намъ удастся обратить вниманіе на избранную нами тему, являю-

щуюся въ нашихъ глазахъ очень интересной для науки римскаго права, и если нашъ трудъ хоть немного подвинетъ интересующій насъ вопросъ къ его окончательному разрѣшенію. Автору приходилось встрѣчаться при разработкѣ своей темы со многими затрудненіями уже потому, что ему не было извѣстно въ современной литературѣ ни одного другаго труда, написаннаго на ту же тему и по тому же плану; онъ надѣется, что его работа, гдѣ собранъ съ возможно бѣльшей полнотой и подвергнутъ анализу весь наличный матеріалъ источниковъ, касающихся *aequitas* классическаго періода, облегчитъ работу тѣмъ лицамъ, которыя вновь пожелали бы взяться за разработку того же вопроса.

Первый ключъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, что понимали классическіе юристы подъ словомъ *aequitas* примѣнительно къ нормамъ права, даетъ намъ значеніе, которое имѣло это слово въ ту же эпоху въ нетехническомъ, неюридическомъ словоупотребленіи. У тѣхъ же самыхъ классическихъ юристовъ мы постоянно встрѣчаемъ выраженія вродѣ слѣдующихъ: *aequae partes sociorum* ⁶⁾, *legatariorum* ⁷⁾, *heredum* ⁸⁾ (равныя части товарищей, легатаріевъ, наследниковъ); *aequae facultates sociorum* ⁹⁾ (равное имущество товарищей); *aequa divisio* или *aequo jure divisio* ¹⁰⁾ (раздѣлъ на равныя доли); *aequa pondera* ¹¹⁾ (гири, вѣсъ которыхъ равенъ вѣсу нормальныхъ гирь того же наименованія); *aequum pretium* ¹²⁾ (сумма денегъ, цѣнность которой равна рыночной цѣнности другаго объекта); *loci iniquitas* ¹³⁾ (неровность мѣста); нарѣчіе *aeque* въ значеніе «равнымъ образомъ» ¹⁴⁾ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прилагательныя *aequus*, *iniquus* и соотвѣтственные существительныя и нарѣчія употребляются для выраженія идеи равенства, уравненія между нѣс-

⁶⁾ L. 6. L. 29 pr. D. 17. 2.

⁷⁾ L. 19 § 2 D. 30.

⁸⁾ L. 67 § 4 D. 31. L. 30 D. 23, 4.

⁹⁾ L. 5 § 1 D. 17, 2.

¹⁰⁾ L. 7 § 1 C. 2, 6. L. 11 C. 3, 36. L. 14 C. eod.

¹¹⁾ L. 18 § 3 D. 4, 3. L. 32 D. 19, 1. L. 15 C. 10, 72. Также *aequae mensurae* L. 13 § 8 D. 19, 2.

¹²⁾ L. 668 D. 30. L. 31 § 4 D. 40, 5. L. 35 § 1 D. 18, 1.

¹³⁾ L. 1 § 4 D. 9, 1.

¹⁴⁾ Напр. Gai Inst. I §§ 68. 128. II §§ 143. 144. 193. 238. III § 97-а. IV §§ 17. 21. 81. 112. 169.

колькими величинами и т. п. Если таково было общее значеніе этихъ словъ, то естественно, что, занимаясь изслѣдованіемъ смысла, который придавали имъ римскіе юристы въ своемъ техническомъ языкѣ, примѣнительно къ нормамъ права, мы должны скорѣе всего ожидать, что и здѣсь слова эти имѣли подобное же значеніе.

И дѣйствительно, послѣдующимъ изложеніемъ мы надѣемся доказать, что такое сходство между техническимъ и нетехническимъ значеніемъ слова *aequitas* существовало. По нашему мнѣнію, *aequitas* римскихъ классическихъ юристовъ въ своемъ техническомъ значеніи есть ничто иное, какъ принципъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. *Jus aequum* есть право, нормы котораго отвѣчаютъ этому принципу; это есть право, передъ лицомъ котораго равны всѣ граждане, которое ко всѣмъ относится одинаково и даетъ всѣмъ одинаковую защиту, не зная лицепріятія. Довольно ясное и прямое подтвержденіе эта наша формула находитъ у Ульпіана. По поводу статьи эдикта *«quod quisque juris in alterum statuerit, ut ipse eodem jure utatur»* мы читаемъ въ L. 1 pr. D. 2, 2 слѣдующее: *«hoc edictum summam habet aequitatem et sine cuiusquam indignatione iusta: quis enim aspernabitur idem jus sibi dici, quod ipse aliis dixit vel dici effecit.»* Дальше, по изложеніи текста эдикта, Ульпіанъ продолжаетъ въ L. 1 § 1 D. eod.: *«scilicet ut quod ipse quis in alterius persona aequum esse credidisset, id in ipsius quoque persona valere patiatur»*. Мысль Ульпіана, очевидно, заключается въ слѣдующемъ: *aequitas* требуетъ, чтобы нормы права были для всѣхъ гражданъ одинаковы; поэтому, если кто либо установилъ или добился установленія для другаго лица известной нормы, выдавая ее за *aequum jus*, то вполне послѣдовательно съ его же точки зрѣнія, чтобы онъ не протестовалъ противъ примѣненія этой нормы къ нему самому.

Для того, чтобы достигнуть этого состоянія, право должно слѣдовать двумъ частнымъ принципамъ. 1) При выработкѣ нормъ, имѣющихъ своей задачей опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ и въ какой формѣ право должно оказывать защиту практическимъ интересамъ гражданъ, и, въ частности, въ какихъ предѣлахъ оно должно предоставлять имъ власть и свободу для удовлетворенія этихъ интересовъ, *jus aequum* должно неизмѣнно придерживаться такого масштаба, который являлся бы одинаково примѣнимымъ ко всѣмъ граж-

данами и стоялъ бы выше притязаній отдѣльныхъ индивидуумовъ и классовъ общества. Такимъ масштабомъ является общее благо всѣхъ гражданъ, всего общества. Законодатель долженъ прислушиваться къ воззрѣніямъ, вырабатывающимся во всей массѣ общества на гражданскія отношенія, онъ обязанъ присматриваться къ тому, какія потребности оборота считаются достойными его вниманія въ интересахъ всего общества, и долженъ въ своей дѣятельности избѣгать лицепріятія.—2) Если законодатель призналъ необходимымъ изъ соображеній общаго блага предоставить при извѣстныхъ условіяхъ свободу и власть отдѣльнымъ гражданамъ для удовлетворенія ихъ практическихъ интересовъ, то онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы нормы права дѣйствительно гарантировали гражданамъ свободу въ этой сферѣ и сдѣлали ихъ волю въ этихъ предѣлахъ независимой отъ воли всѣхъ остальныхъ гражданъ. Другими словами, законодатель долженъ предоставить каждому гражданину полную независимость въ сферѣ субъективныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ послѣднимъ сообразно условіямъ, выставленнымъ для этого законодателемъ въ согласіи съ требованіями общаго блага всѣхъ гражданъ.

Эти два принципа сводятся къ одному общему принципу равенства всѣхъ передъ закономъ и составляютъ содержаніе понятія *aequitas*. Самое это понятіе въ рѣчи юристовъ и народа часто олицетворяется; оно принимаетъ видъ силы, стоящей надъ правомъ и диктующей ему свои предписанія; отсюда всѣ частные принципы, являющіеся слѣдствіями общаго понятія, получаютъ названіе постулатовъ *aequitatis*, требованій справедливости.—Какъ и всѣ общія понятія, имѣющія практическое значеніе, понятіе *aequitas* нашло олицетвореніе и въ римской религіи; здѣсь мы встрѣчаемся съ особымъ божествомъ, именуемымъ *Aequitas*.

Въ слѣдующихъ главахъ мы разберемъ подробно два основные принципа или постулата *aequitatis* и постараемся доказать правильность нашего опредѣленія анализомъ относящихся къ нимъ фрагментовъ источниковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первый постулат аequitatis. Aequitas требует, чтобы право при опредѣленіи того, какія потребности въ какой формѣ должны получить юридическую охрану, стояло выше желаній и притязаній отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества, и руководилось соображеніями общаго блага всѣхъ гражданъ.

Прежде чѣмъ заняться детальнымъ анализомъ отдѣльныхъ группъ источниковъ, относящихся къ первому принципу аequitatis, мы находимъ нужнымъ сдѣлать общую характеристику этого принципа и частныхъ постулатовъ, изъ него вытекающихъ.

Чтобы быть справедливымъ—*jus aequum*—, право прежде всего должно соблюдать строгую равномѣрность при опредѣленіи сферы субъективной свободы и власти, предоставляемой отдѣльнымъ гражданамъ для удовлетворенія ихъ интересовъ и потребностей, т. е. при распредѣленіи между гражданами ихъ субъективныхъ правъ, равно какъ и при выработкѣ такого рода юридическихъ нормъ, которыя защищаютъ интересы гражданъ, не устанавливая для нихъ никакихъ субъективныхъ правъ.¹⁵⁾ Граждане вполне основательно могутъ упрекать право въ несправедливости—*iniquitas*—, если обнаруживается, что своими нормами право представляетъ извѣстнымъ индивидуамъ или классамъ общества бѣльшую степень власти и свободы, нежели другимъ, оказываетъ бѣльшее покровительство инте-

¹⁵⁾ Мы не знаемъ лучшаго опредѣленія субъективнаго права, какъ слѣдующее: субъективное право есть сфера власти, предоставленная объективнымъ правомъ субъекту для удовлетворенія какого либо признаннаго объективнымъ правомъ интереса. Ср. въ изложенному Regelsberger, Pandekten т. I § 14.